

УДК 343.6

Правовая оценка причинения вреда лицу с его согласия и критерии признания этого деяния непроступным

В.Н. Винокуров,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института ФСКН России
Россия, Красноярск
vinokursiblaw@mail.ru

Рассматриваются критерии непризнания преступлением причинения вреда человеку с его согласия при заражении ВИЧ-инфекцией, производстве аборта, осуществлении трансплантации, проведении научного эксперимента, занятиях разрешенным видом спорта и тренировочных занятиях. Автор обосновывает, что это связано либо с нецелесообразностью признания их преступлением, либо общественной полезностью этих действий.

Ключевые слова: пострадавший, согласие, причинение вреда, общественная опасность.

Одним из способов регулирования поведения людей выступает предоставление им субъективных прав и права требовать определенного поведения от обязанных лиц, принадлежащего не государству непосредственно, а лицам, наделенным субъективными правами [12, с. 65]. Вместе с тем общество представляет собой совокупность социальных взаимосвязей между субъектами, и негативное воздействие на одного из субъектов негативно сказывается на других его членах и обществе в целом. Поэтому причинение вреда отдельному индивиду даже с его согласия причиняет вред обществу и является преступным [2, с. 26]. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала правильной квалификацию действий Г. по ч. 2 ст. 108 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (далее — УК РСФСР) (аналогичный состав предусматривает ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса РФ 1996 года, далее — УК РФ), который по просьбе гражданина Б. отрубил ему кисть руки [5, с. 24]. Аналогичное решение Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приняла по делу К., осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР за то, что он по просьбе Н. выстрелил в него из пистолета с целью причинения вреда здоровью [1, с. 9]. Как отмечал Н.С. Таганцев, «в тех случаях, когда посягательство на частное право заключает в себе нарушение интересов общественных и государственных, согласие уничтожает преступность деяния только как нарушения частных прав, но не имеет никакого значения для его общественных и государственных моментов. Брань, с согласия на таковую обруганного, не составляет преступной обиды, но обругавший может быть привлечен к ответственности за нарушение тишины и спокойствия, как скоро в учиненном им деянии нахо-

дятся необходимые для этого элементы» [18, с. 185].

Поэтому сложно согласиться с Б.В. Сидоровым, предложившим закрепить в ст. 76 УК РФ положение о том, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности за совершение не преступлений небольшой и средней тяжести, а преступления, причинившего вред исключительно лицу, с согласия которого виновный может быть освобожден от уголовной ответственности, и только тем благам, которые находятся в полном распоряжении потерпевшего [15, с. 20]. Представляется, что отдавать на усмотрение потерпевшего решение вопроса о том, кому в конечном счете причиняется вред преступлением — конкретному лицу, обществу или государству, нельзя, поскольку потерпевший как субъект входит в систему общественных отношений и непосредственное причинение ему вреда неизбежно влечет в дальнейшем негативные последствия для общества.

Следовательно, возникает вопрос, когда человек может самостоятельно распоряжаться своей жизнью, неприкосновенностью, честью и свободой, которые охраняются не сами по себе, а ради их носителей. Учитывая, что согласие лица в уголовном праве — это разрешение на определенные уголовно-значимые действия со стороны третьих лиц в отношении собственных благ, добровольно выраженное дееспособным лицом до начала совершения таких действий и влекущее уголовно-правовое последствие [17, с. 115], то преступность или непроступность действий, приводящих к причинению вреда, должна определяться до их совершения. Поскольку причинение вреда человеком самому себе преступлением не является, за исключением случаев уклонения таким способом от

возложенных обязанностей (статьи 328, 339 УК РФ), нельзя признавать потерпевшим дееспособное лицо, которому был причинен вред с его согласия [2, с. 27]. Представляется, что такое лицо является «пострадавшим», поэтому необходимо определить критерии неправомерности действий лица, причинившего вред с согласия «пострадавшего».

По мнению А.В. Сумачева, пределы возможного отчуждения собственных благ личности определяются субъективно-объективной значимостью отчуждаемого блага и общественной значимостью способа его нарушения [2, с. 115].

В настоящее время закон предоставляет человеку право определять, причинен ему вред или нет, и прибегать к защите своих прав посредством реализации норм уголовного права или нет только при причинении ему морального вреда распространением ложных сведений (ст. 128.1 УК РФ). Кроме этого, согласно ст. 330 УК РФ самоуправство — это самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, *правомерность которых оспаривается организацией или гражданином*, если эти действия причинили существенный вред. Поскольку самоуправство посягает на процедуру реализации прав, правомерность которых оспаривается, что выступает конструктивным признаком преступления, человек, в отношении которого совершаются самоуправные действия, должен сам решать вопрос о том, нарушены его интересы или нет. Соответственно, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 330 УК РФ, должно быть отнесено к делам частного обвинения.

Во всех остальных случаях преступность или неправомерность причинения вреда другим людям человека определяется исключительно государством. Поэтому трудно полностью согласиться с мнением о том, что наличие или отсутствие объекта преступления определяется волеизъявлением лица, которому причинен вред [11, с. 18].

То, что преступление причиняет вред обществу, особенно ярко проявляется при немедицинском употреблении наркотиков, когда человек совершает преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, так как прежде чем их употребить он совершает действия, предусмотренные в диспозиции указанной статьи. Так, Конституционный Суд Латвии согласился с тем, что ответственность за употребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача является ограничением права на неприкосновенность частной жизни. Однако эти ограничения допустимы, поскольку, во-первых, установление наказания за подобные действия призвано предотвратить

далеко идущие последствия, затрагивающие экономические, политические и культурные основы общества. Во-вторых, это ограничение является социально необходимым, так как неразрешенное употребление наркотиков, вызывая привыкание, серьезно влияет на работу мозга, усиливает антисоциальные наклонности личности, многократно увеличивает опасность совершения такими лицами преступлений, а лечение наркотической зависимости является сложным и дорогостоящим. Следовательно, употребление наркотиков не только порождает негативные последствия для виновного, но и ложится тяжелым бременем на его близких и общество [4, с. 24]. Так, на нейтрализацию социальных последствий употребления наркотиков в 2005—2009 годах было израсходовано 3062,7 млн руб. Стоимость одного курса стационарного лечения больного наркоманией составляет 21 тыс. руб. Ежегодно такое лечение проходят 50 тыс. человек. Кроме этого, отсутствие средств для приобретения наркотиков толкает употребляющих их лиц на совершение корыстных преступлений [14, с. 42]. Поэтому представляется возможным рассмотреть вопрос о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ в отношении лиц, которые до этого привлекались к административной ответственности за подобные действия.

Интересы общества должны учитываться и при причинении имущественного вреда лицу с его согласия, так как уничтожение имущества, имеющего общественное (хозяйственное, эстетическое и т.д.) значение, противоправно даже при согласии самого лица [9, с. 517—518]. То, что собственник имущества, являющегося культурной и исторической ценностью, не может его уничтожить, доказывает и положение ст. 240 ГК РФ, согласно которой если собственник культурных ценностей содержит их бесхозяйственно, что грозит утратой ими своего значения, то они по решению суда могут быть выкуплены у него с публичных торгов. Так, в г. Москве по факту разрушения фронтонов и карнизов и установления мансарды из гофрированного железа, изменивших первоначальный вид здания XVIII века, против его владельца было возбуждено уголовное дело по ст. 243 УК РФ [6]. При этом экономическая стоимость здания не только осталась прежней, но даже увеличилась вследствие расширения его площади, но как памятник архитектуры и истории здание было повреждено. Следовательно, уничтожение и повреждение имущества с согласия его собственника преступно, если оно принадлежало не только собственнику, но и другим лицам, например близким, если лицо стремилось к достижению преступ-

ной цели (например, уничтожению застрахованного имущества для получения страховой суммы) либо если оно относится к историческим, культурным и другим памятникам [19, с. 175].

С учетом изложенных позиций можно заключить, что общественно опасным является и согласие на угрозу заражения себя ВИЧ-инфекцией (части 1—2 ст. 122 УК РФ), поскольку пострадавший, зная о неизбежности смерти при наличии такого заболевания, по сути дает согласие не только на причинение вреда собственному здоровью и жизни, но и на то, чтобы в дальнейшем представлять угрозу для окружающих, а также чтобы общество изыскивало средства на его лечение, пытаясь отдалить его смерть и минимизировать опасность заражения других [10, с. 30; 13, с. 165—166; 20, с. 37]. Представляется, что подобное примечание законодатель ввел с целью непривлечения ВИЧ-инфицированного к уголовной ответственности, поскольку он, будучи свидетелем, не может отказаться от дачи показаний, т.е. для выявления источника заражения ВИЧ-инфекцией.

Также нецелесообразно признавать преступление прерывание беременности с согласия женщины (ст. 123 УК РФ), несмотря на опасность аборта, причиняющего вред здоровью женщины, и умерщвление плода, что негативно скажется на обществе, переживающем демографический кризис, поскольку абсолютная криминализация абортотворения увеличит количество смертей или причинения тяжкого вреда здоровью женщины при проведении подпольных абортов [3, с. 70]. Таким образом, заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, если это лицо своевременно было предупреждено о наличии у другого лица этого заболевания, а также производство аборта не исключают общественную опасность. В то же время государство признает их правомерными вследствие нецелесообразности признания их преступными.

Кроме этого, неправомерным при соблюдении определенных условий следует признавать согласие пострадавшего на причинение вреда его здоровью при трансплантации органов или тканей, причинение вреда при проведении научного эксперимента в отношении здорового человека, поскольку государство признает за личностью право распоряжаться своим здоровьем во имя общественно полезных целей. При этом при трансплантации и проведении эксперимента правомерным следует признавать только причинение вреда здоровью, но не смерти [17, с. 153—155].

На достижение общественно полезной цели — оздоровления нации — направлено и за-

нятие спортом. Несмотря на это, было предложено дополнить УК РФ нормой, предусматривающей наказание за умышленное нарушение правил спортивных состязаний, повлекшее причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, если до этого к участнику соревнований применялись дисциплинарные меры в виде временной дисквалификации [7, с. 69—120], либо за грубое нарушение правил спортивных соревнований лицом, занимающимся спортом, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью и смерть [16, с. 81]. Представляется, что причинение вреда здоровью и даже смерти участнику соревнования следует признавать неправомерным [17, с. 153—155], поскольку, например, смысл спортивных единоборств заключается в нанесении ударов для достижения победы. В то же время причинение вреда, выразившееся в грубом нарушении правил, например, удар ногой в голову лежащего соперника, влечет ответственность на общих основаниях.

Таким образом, причинение вреда человеку с его согласия при трансплантации тканей или органов в рамках эксперимента или в процессе спортивных соревнований при соблюдении определенных условий является неправомерным вследствие общественной полезности этих действий.

Представляется, что человек может сам определять, был ли ему причинен вред или нет, только при совершении в отношении него преступлений, предусмотренных статьями 128.1 и 330 УК РФ. В остальных случаях, учитывая, что человек имеет социальные связи с другими членами общества, вследствие чего причинение ему вреда с его согласия неизбежно отразится на интересах общества, такие действия являются общественно опасными и, как правило, признаются государством преступными. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос о криминализации немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ в отношении лиц, ранее привлекавшихся за подобные деяния к административной ответственности.

Вместе с тем государство признает правомерным причинение с согласия лица вреда его здоровью при поставлении его в опасность или заражения его ВИЧ-инфекцией, производстве аборта ввиду нецелесообразности признания таких действий преступлениями. Кроме этого, не являются общественно опасными совершенные для достижения общественно полезных целей действия по причинению вреда здоровью при осуществлении трансплантации, проведении научного эксперимента, занятий разрешенным видом спорта и тренировочных занятий.

Список литературы

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. № 7.
2. Дагель П.С. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? // Советская юстиция. 1972. № 3.
3. Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4.
4. Елинский А.В. Допустимость криминализации приобретения и хранения наркотиков для личного потребления: практика зарубежных органов конституционного правосудия // Уголовное право. 2011. № 1.
5. Загородников Н.И. Преступления против здоровья. — М., 1969.
6. Козлова Н. Памятник — себе // Российская газета. 2008. 24 июля.
7. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. — Саратов, 1976.
8. Кузнецова Н.Ф. Мнение ученых о реформе УК (или Qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1.
9. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 5 т. — Л., 1968. Т. 1.
10. Лобанова Л.В., Каменев Р.Г. Уголовно-правовое значение возможного заражения ВИЧ-инфекцией // Российская юстиция. 2008. № 3.

11. Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2005.
12. Никифоров Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1956. № 6.
13. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. — СПб., 2004.
14. Сбирунов П.Н. Некоторые особенности наркотизма и наркотизма несовершеннолетних в Российской Федерации // Российский следователь. 2012. № 18.
15. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1998.
16. Скворцов А.А. Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом: проблемы уголовно-правовой квалификации. — М., 2006.
17. Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. — М., 2003.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. — М., 1994. Т. 1.
19. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. А.И. Марцева. — Омск, 1998.
20. Щерба С. Социальная опасность и уголовно-правовые последствия заражения ВИЧ-инфекцией // Уголовное право. 1998. № 3.

Legal Treatment of Injurious Actions with Consent of Sustain and Recognition
Criteria of its Non-Criminal Character

Viktor N. Vinokurov,

Cand. in Law,

assoc. prof. of Dept. of Criminal Law and Criminology
in the Siberian Legal Institute
of Federal Penal Service of the Russian Federation
Russia, Krasnojarsk
vinokursiblaw@mail.ru

In the article criteria of non-criminal injurious actions with consent of sufferer such as communicating HIV infection, abortion, transplantation, carrying out science, permitted sport activities or training are analyzed. Author point out two causes of this situation - inexpediency of criminalization of consent actions and their public utility.

Keywords: victim, consent, harm, social danger.

References

1. Bulleten' Verhovnogo Suda RSFSR. 1970. № 7.
2. Dageľ P.S. Imeeť li «soglasie poterpevshego» ugotovno-pravovoe znachenie? // Sovetskaja justicija. 1972. № 3.
3. Dageľ P.S. Uslovija ustanovlenija ugotovnoj nakazuemosti // Pravovedenie. 1975. № 4.
4. Elinskij A.V. Dopustimost' kriminalizacii priobretenija i hranenija narkotikov dlja lichnogo potrebnenija: praktika zarubezhnyh organov konstitucionno-go pravosudija // Ugotovnoe pravo. 2011. № 1.
5. Zagorodnikov N.I. Prestuplenija protiv zdorov'ja. — M., 1969.

6. Kozlova N. Pamjatnik — sebe // Rossijskaja gazeta. 2008. 24 ijulja.
7. Krasikov A.N. Sushhnost' i znachenie soglasija poterpevshego v sovetskom ugotovnom prave. — Saratov, 1976.
8. Kuznecova N.F. Mnenie uchenyh o reforme UK (ili Qui prodest?) // Ugotovnoe pravo. 2004. № 1.
9. Kurs sovetskogo ugotovnogo prava. Chast' obshhaja: v 5 t. — L., 1968. T. 1.
10. Lobanova L.V., Kamenev R.G. Ugotovno-pravovoe znachenie vozmozhnogo zarazhenija VICH-infekciej // Rossijskaja justicija. 2008. № 3.
11. Motin O.A. Chastnyj interes v sisteme ob'ektov ugotovno-pravovoj ohrany: avtoref. dis. ... kand. jurid.

nauk. — Volgograd, 2005.12. Nikiforov B.S. Ob objekte prestuplenija po sovetскому уголовному праву // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1956. № 6.

13. Parhomenko S.V. Dejanija, prestupnost' kotoryh isključaetsja v silu social'noj poleznosti i neobhodimosti. — SPb., 2004.

14. Sbirunov P.N. Nekotorye osobennosti narkotizma i narkotizma nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sledovatel'. 2012. № 18.

15. Sidorov B.V. Povedenie poterpevshih ot prestuplenija i ugovnaja otvetstvenost': avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 1998.

16. Skvorcov A.A. Prichinenie vreda zhizni i zdorov'ju pri zanjatijah sportom: problemy ugovno-pravovoj kvalifikacii. — M., 2006.

17. Sumachev A.V. Publichnost' i dispozitivnost' v ugovnom prave. — M., 2003.

18. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo: lekcii. Chast' obshhaja: v 2 t. — M., 1994. T. 1.

19. Ugovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast': ucheb. / pod red. A.I. Marceva. — Omsk, 1998.

20. Shherba S. Social'nyja opasnost' i ugovno-pravovye posledstvija zarazhenija VICH-infekciej // Ugovnoe pravo. 1998. № 3.